

О Николае Алексеевиче

В. М. Алпатов

Впервые я увидел Николая Алексеевича Панькова (далее Н. А.) 24 октября 1994 г., то есть ровно двадцать лет назад. Он поймал меня в аудитории МГУ после занятия (я второй год по совместительству вёл на филфаке курс истории лингвистических учений). Не знаю, кто его навёл на меня. Совсем не знакомый мне человек начал меня горячо убеждать помочь ему в публикации материалов, связанных с обучением В. Н. Волошинова в аспирантуре, и пригласил участвовать в журнале, специально посвящённом М. М. Бахтину. Мы довольно долго беседовали в опустевшей аудитории на разные темы, так или иначе связанные с Бахтиным и Волошиновым. Я был далёк тогда от того и другого, но мой собеседник настолько подействовал на меня своим напором и своей убеждёностью, что, вернувшись к вечеру домой, я тут же сел за пишущую машинку и написал два текста. Один из них, посвящённый одесскому профессору, ученику Ф. Ф. Фортунатова А. И. Томсону, которого то ли слышал, то ли не слышал Бахтин, был напечатан; это была моя первая публикация в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (ДКХ), всего их при Н. А. получилось десять.

Другой текст Н. А. отверг (единственный раз за моё время с ним сотрудничества) и, как я должен был признать, он был прав. Нечастая фамилия *Волошинов* мне встречалась в связи с моими занятиями изучением японского языка в России. Офицер — разведчик Генштаба Николай Волошинов (имя совпадало с отчеством автора «Марксизма и философии языка») в 80–90-е гг. XIX в. публиковал военные разговорники по разным языкам, большинство из которых не владел, включавшие в себя переводы стереотипных фраз. В том числе дважды выходил и японский «переводчик», составленный при помощи случайно оказавшегося в Петербурге японца, плохо владевшего русским языком. Помимо ошибок в переводе и незнания правил транскрипции, там были и фразы, явно придуманные для других стран, вроде: *Сколько здесь мулов?* и *Проведи меня к англичанам* (ни мулов, ни английских войск в Японии никогда не было). Безусловная халтура, но при полном отсутствии в то время в России каких-либо работ по японскому языку и «переводчик» Волошинова был примечателен. Но вопрос о связи двух Волошиновых при нашем уровне знаний не мог быть решаем ни тогда, ни сейчас, через двадцать лет. Поэтому опытный архивист, которым тогда уже был Н. А., справедливо не стал эти гипотезы публиковать.

Но главным для меня тогда была помощь публикатору аспирантского дела «того» Волошинова с позиций лингвиста. Нужно для этого было вникнуть и в роковой вопрос об авторстве «Марксизма и философии языка» и других работ «волошиновского цикла», и в суть концепции книги. А я, хотя и читал уже курс истории лингвистики в МГУ и РГГУ, но знал

эти работы очень поверхностно. Книгу, обозначенную на обложке именем В. Н. Волошинова, я единственный раз держал в руках и просмотрел по диагонали за двадцать два года до этого. Показывала мне её моя знакомая Таня Крючкова, впоследствии доктор наук (к сожалению, скончавшаяся год назад), тогда поступавшая в аспирантуру Института языкознания к Ю. Д. Дешериеву, лингвисту, пользовавшемуся в научных кругах, в которых я вращался, не лучшей репутацией: он писал о развитии языков при социализме. Тем не менее, именно он заставлял поступающих к нему в аспирантуру читать «Марксизм и философию языка» (на отделении структурной и прикладной лингвистики МГУ, которое я окончил, само имя Волошинова не было известно). Я ни тогда, ни потом не был противником марксизма, но книга меня не заинтересовала: у меня ни разу не было желания прочитать её до знакомства с Н. А. И не только у меня. Тогда, в 1994 г., я пошёл в библиотеку своего Института востоковедения, где книга оказалась, но... с неразрезанными страницами. Позже я узнал, что она попала в институт из завещанной ему библиотеки выдающегося нашего учёного Н. Ф. Яковлева, умершего в 1974 году. Яковлев, очевидно, купил книгу, заинтересовавшись её названием, но сразу бросил её читать, а в Институте востоковедения за двадцать лет её никто не взял. Впрочем, разрезать страницы не пришлось и мне: выяснилось, что за год до моей встречи с Н. А. она была переиздана, но под фамилией М. М. Бахтина.

Неразрешимой проблемой авторства мне также пришлось потом много лет заниматься, но важнее всё-таки было понять не слишком внятно изложенные в книге идеи. С этим к тому времени было немало путаницы: очень уважаемые люди называли эту книгу то структуралистской, то антимарксистской под «маской» марксизма. Прочитав книгу внимательно, я убедился в том, что марксизм там вполне принимается, но речь в основном идёт не о нём, а структурализм в лице Ф. де Соссюра и Ш. Балли решительно отвергается. Для моего курса истории лингвистики и вскоре написанного учебника «Марксизм и философия языка» оказался исключительно важен. В эпоху, когда развитие мировой науки о языке определялось структурализмом (учёные старой школы, не предлагавшие новых идей, были не в счёт, а учение Н. Я. Марра оказалось тупиком), здесь предлагалась некоторая ему альтернатива, пусть не подкреплённая конкретным анализом. Но, прежде всего, надо было прокомментировать документы, связанные с Волошиновым. Я никогда не считал его, как некоторые, «подставным автором», хотя в книге, вероятно, присутствуют идеи, поданные Бахтиным. В результате совместных с Н. А. действий аспирантское дело Волошинова было опубликовано, а я подготовил доклад, для прочтения которого на конференции первый раз (из двух) приезжал в Витебск, где тогда жил Н. А.

Н. А. во многом стимулировал и последующее распространение моих занятий на Бахтина. Это имя долго находилось вне моих профессиональных интересов. Разумеется, я его знал со времени второго издания «Достоевского», его книги я читал в студенческие годы. Однако на моих глазах о них спорили лишь литературоведы филологического факультета МГУ, причём чаще звучали кислые отзывы (помню, как К. В. Цуринов говорил, что о До-

стоевском сейчас изданы три книги, из них книга Фридлендера серьёзна, книга Гроссмана содержательна, но слишком популярна, а достоинств книги Бахтина он «не отрицает»). Лингвисты же были вне этих споров. И мне был интересен конкретный разбор Достоевского, но ничего полезного профессионально я не находил. И наследие Бахтина я знал настолько плохо, что в одной из первых публикаций в ДКХ, посвящённой целиком Волошину, допустил грубейшую ошибку, заявив, что, кроме «спорных текстов», у Бахтина не было работ по лингвистике. Н. А. по своему обыкновению напечатал это высказывание, за которое мне до сих пор стыдно, никак не прореагировав. А «Речевые жанры» и другие несомненные лингвистические работы Бахтина тогда уже были опубликованы. Надеюсь, что я загладил эту ошибку последующими исследованиями, в большинстве также опубликованными в журнале Н. А. и в итоге вылившимися в книгу «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (2005), которую я успел Н. А. подарить при встрече, назвав в дарственной надписи «моим змеем-искусителем».

С 1994 по 2006 г. мы не раз встречались с Н. А. в Москве и дважды в Витебске, переписывались, спорили. При всём стремлении к объективности он иногда поддавался господствовавшим в то время оценкам, с которыми я никогда не соглашался. Иногда наши разногласия выливались в достаточно резкий спор. Я, например, не мог ни тогда, ни сейчас принять ряд высказываний в комментариях Н. А. к стенограмме защиты диссертации Бахтина в Институте мировой литературы, особенно такое: «Нынешним читателям и ученым еще предстоит решить для себя (скорее всего после бурных споров), насколько основательна концепция «Рабле», имела ли она самостоятельное значение, или же смысл ее заключался только в противостоянии тоталитаристскому официозу». Я обиделся и ответил не слишком корректно: используя слова самого Н. А. о том, что перед защитой искали оппонентов, «не совсем свихнувшихся на марксистской догматике», я обвинил его в «свойстве свихнуться на антимарксистской догматике». Но Н. А., надо отдать должное, всю мою полемику с ним опубликовал в журнале без какой-либо правки, лишь воспользовавшись правом на ответ, также достаточно резкий. Отмечу, что Н. А. дал лишь отчасти правильное предсказание: «бурные споры» о «Рабле» в основном касаются либо чисто научной стороны, либо отношения автора книги к религии, но её «самостоятельное значение» вроде бы никто не отрицает.

Но, как бы это ни показалось кому-то странным, наши с Н. А. отношения ничуть не изменились, он постоянно просил меня писать и давал задания. Уже после этого он попросил меня участвовать в публикации следующего хронологически ценнейшего документа — дела о присуждении Бахтину учёной степени в ВАК. Были у нас и совместные публикации. Оба мы понимали, что надо делать общее дело и что интерпретации интерпретациями, а введение в научный оборот документов важнее всего.

В отличие от слишком многих его коллег Н. А. умел подняться над суетой. Он написал о себе: «Всегда держался “между” враждебных лагерей, ни к кому не присоединяясь». Иногда в духе 90-х гг. он всё сводил к противостоянию «принципа партийности, коммунистической идейности», который

«мрачно нависал над советской наукой», и Бахтина, «мыслителя, не сломленного гонениями». В отдельных случаях такая предвзятость могла упрощать те или иные ситуации. Н. А., например, написал, что после издевательства над Бахтиным в газете «Культура и жизнь» в 1947 г. о публикациях ему «надлежало просто забыть», пока в 1963 г. чудом не вышло второе издание «Достоевского». Действительно, одна из многочисленных загадок в биографии Бахтина — полное отсутствие его публикаций в «Учёных записках» Саранского пединститута, где в те же годы печатался, например, его также до того репрессированный (и в отличие от Бахтина побывавший в лагере) коллега Л. М. Кессель. Вряд ли во второй половине 50-х гг. могла иметь столь фатальное значение статья в закрытой ещё в 1951 г. газете, где главными объектами критики были совсем другие лица, к 1963 г. давно печатавшиеся. Не в том ли дело, что Бахтину всегда было трудно писать законченные тексты, особенно если не было внешних стимулов для их окончания? Кроме двух опубликованных театральных рецензий, у него в 50-е гг. не было ни одного вполне готового к печати сочинения.

Но Н. А. умел (и чем дальше, тем, пожалуй, больше) преодолевать черно-белые формулировки и показывать неоднозначность своих «героев». Очень точны его слова, сказанные о И. Э. Грабаре: «Каждый человек многолик и неоднозначен — и сам по себе, и, особенно, в восприятии других». Грабарь — не столь частый пример человека, признанного советским «официозом» и не подвергнутого развенчанию в наше время. Но вот, скажем, академик-металлург А. М. Самарин, в прошлом ответственный секретарь Центрального бюро пролетарского студенчества, а в 1949 г. зам. министра высшего образования, председатель заседания ВАК, где обсуждалась диссертация Бахтина. Человек явно «официозный», в отличие от Грабаря не принявший «Рабле» и открыто выражавший отрицательное отношение к диссертации. Другой на месте Н. А. ограничился бы его изничтожением. Но Н. А. признал, что А. М. Самарин (не путать с другим гонителем Бахтина, его однофамильцем Р. М. Самариным) «добился выдающихся научных успехов», «вероятно, был очень искренно и горячо предан патристической идее». Но как «технократ» не разобрался в диссертации. И к представителям официальной партии в литературоведении В. Я. Кирпотину и А. Л. Дымшицу отношение Н. А. многомерно. С Кирпотиним, к тому времени последним ещё живым членом учёного совета ИМЛИ 1946 г., он успел в начале 90-х годов побеседовать.

Такая же широта была свойственна Н. А. и как главному редактору. Не секрет, что годы, когда начинался журнал, были у нас крайне напряжёнными и склочными. Почти все издания, связанные с гуманитарными науками, оказывались органами той или иной группы и объединяли только «своих». «Диалог. Карнавал. Хронотоп» оказался счастливым исключением. Это произошло исключительно благодаря Н. А. Конечно, надо учитывать и личность М. М. Бахтина, интересующую (часто по разным причинам) и «правых», и «левых». Но редко кому удавалось достичь настоящей «полифонии» и собирать под одной обложкой людей, которые могли бы при личной встрече не подать друг другу руки. Одни люто ненавидели со-

ветский строй, другие, как я, например, этим не отличались; одни считали Бахтина глубоко верующим религиозным философом, другие подозревали его в атеизме и чуть ли не в сатанизме, третьи были к религии равнодушны. И, казалось бы, более конкретные споры вроде дискуссий об авторстве «спорных текстов» подогревались расхождениями в мировоззрении, а то и политикой. Но всё находило место в журнале, где авторы иногда резко отзывались друг о друге и оставались непримиримы. Однако все делали общее дело, и их точки зрения обогащали наши представления не только о Бахтине, но и обо всей интеллектуальной истории нашей страны.

Особо хочется остановиться на участии в журнале В. В. Кожина. Общепризнанно, насколько значительной была его роль в судьбе Бахтина и в публикации его трудов. Однако к началу 90-х годов этот человек решительно разошёлся с большинством своих прежних друзей и занял заметное место в лагере, который одни называли патриотическим, а другие — черносотенным. Как отмечал Н. А., не всем из авторов журнала нравилось присутствие там Кожина. Однако Н. А. понимал, что без этой яркой фигуры «полифония» была бы неполна. Ему удалось преодолеть недоверие Кожина, и они не без конфликтов, но сотрудничали в журнале, и Н. А. издал ценнейшую его переписку с Бахтиным. В предисловии к её изданию, вышедшему уже после смерти Кожина, Н. А. дал интересную и нестандартную его характеристику. Как он пишет, Кожин совмещал в себе героя плутовских романов (его склонность к авантюризму очень помогла при пробивании в инстанциях издания книг Бахтина) и Дон Кихота, в нём был «сплав авантюризма и рыцарственности». Я мало знал этого человека, но мне кажется, что такие противоречивые свойства характера могли повлиять на путь Кожина от Бахтина (от которого он, впрочем, не отрекался) и Пинского к Зюганову.

Н. А., конечно, политически был далёк от Кожина, но мне представляется, что когда он так писал, он в какой-то степени давал и самохарактеристику. Лишь человек авантюрного склада мог бы столько лет издавать журнал, по его собственному выражению, «без делопроизводства и бухгалтерии», искать ненадёжных спонсоров, обращаться к совершенно незнакомым людям с непредсказуемой реакцией. Но во всём этом было и несомненное донкихотство. Его убеждённость в необходимости своей деятельности, которую я почувствовал при первом знакомстве, действовала на многих.

Эта убеждённость сочеталась с трезвостью и научным подходом. Н. А. хорошо понимал, что нельзя заполнять журнал неподтверждаемыми слухами и версиями, что в то время (а иногда и сейчас) делали многие его коллеги. Поэтому он был абсолютно прав, не приняв мои гипотезы о связях между двумя Волошиновыми. Все легенды Н. А. строго проверял по источникам. Это особенно было важно в случае Бахтина, вокруг которого ходило и ходит много мифов и легенд, к некоторым из которых приложил руку сам Михаил Михайлович. Одна из заслуг Н. А. в том, что он документально выявил склонность своего главного героя к мистификациям, которые вводили уже в заблуждение многих исследователей. Исправлял он и многочисленные фактические неточности, связанные с недостатком информации, каких

было много, в частности, в первой биографии Бахтина, изданной за рубежом М. Холквистом и К. Кларк.

А анализ документов, проведённый Н. А., дал много результатов (при том, что личный архив Бахтина так и остался для него закрытым). Среди них оказывались совершенно неожиданные. Так, Н. А. установил, что Бахтин (в отличие, например, от Волошинова) не имел никакого формального образования. Документально не подтверждено и, по-видимому, не имело места его обучение где-либо после четвёртого класса гимназии, когда он взял отпуск по болезни. Это, однако, не помешало Бахтину получить впоследствии степень кандидата наук, а в докторской степени ему отказали не по этой причине, оставшейся ВАКу неизвестной. Конечно, этот факт не противоречит общепризнанной исключительно высокой образованности Михаила Михайловича. И, как верно отметил Н. А., для Бахтина в 1910 – 1920-е годы это не было важно: «пристрастие к вузовским «корочкам» началось значительно позже», а потом можно было сослаться на пропажу документов в годы революции.

И за полтора десятка лет активной архивной работы Н. А. успел ввести в научный оборот большое число архивных документов, касающихся Бахтина и так называемого его круга. Достаточно назвать гимназические документы Бахтина, стенограмму защиты его диссертации, материалы ВАК о прохождении там его диссертационного дела, вышеупомянутое аспирантское дело Волошинова, переписка Бахтина с Кожинным и В. Н. Турбиным. Наконец, он издал и ряд не публиковавшихся при жизни автора и найденных в архиве работ самого Михаила Михайловича. Многие из этого уже во время болезни Н. А. было собрано под одной обложкой в книге «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина», изданной в 2010 г.

Н. А. также понимал, что, рассматривая жизнь и деятельность того или иного исторического лица, необходимо учитывать и тех людей, которые входили в его окружение. В связи с этим в журнале существовал специальный раздел «Диалогизирующий фон», в котором печатались материалы, посвящённые «кругу Бахтина», а также людям, может быть, от него и далёким, с которыми его сводила судьба. Сам Н. А. много сделал для изучения этого «диалогизирующего фона». Он впервые подробно рассмотрел фигуру одного из наименее известных участников «круга Бахтина» — специалиста по горным породам Б. В. Залесского, дружба которого с Бахтиным продолжалась полвека. «Белым пятном» в изучении Бахтина остаются его родственники (кроме отчасти брата), судьба которых большей частью оказалась трагической: мать и три сестры погибли в блокаду Ленинграда. Но Н. А. опубликовал материалы хотя бы о младшей из сестёр — Наталье Михайловне, чья судьба пересекалась с судьбой Б. В. Залесского. Но, конечно, многое установить оказывалось невозможным; сам Н. А. с горечью констатировал, что мы очень мало знаем, прежде всего, о петербургском (петроградском) периоде жизни Бахтина (1912-1918).

Надо отметить и стремление Н. А. к непредвзятости и научной строгости, несовместимой с групповыми и/или политическими пристрастиями. Он не мог поступить так, как это сделали публикаторы собрания сочинений

Бахтина, где в тексте «Проблемы речевых жанров» сняли все упоминания работ И. В. Сталина по языкознанию и цитаты из них. Сам он указывал, что надо всё публиковать без купюр и исправлений. Он хорошо понимал, что интерпретации устаревают, а документ всегда будет сохранять свою ценность. Поэтому, как он сам указывал, он не стремился охватить все стороны жизни и деятельности Бахтина и людей его круга, исходя из «специфики найденных мною архивных материалов и собственных тематических пристрастий». И ещё он стремился к живости и «стилевому многообразию» публикаций. И успел он в избранной области исследований много, но ещё больше не успел.

Последний раз я видел Н. А. 29 марта 2006 г., когда он отмечал своё пятидесятилетие; он тогда уже работал в МГУ, продолжая дело В. Д. Дувакина. Вечер был весёлым, ничего не предвещало дальнейшего. А болезнь уже была близка.

Вечная ему память.